

Сайлас наблюдал, как небольшой отряд из четырехсот человек освободился от наступающего строя, заходя с широкого фланга на значительно превосходящего по численности противника. Он знал, что это проигрышное дело, поскольку видел подобный сценарий уже шесть раз. К тому времени, когда 400 человек достигали фланговой позиции, ряды основной армии уже были прорваны.

Перечисление многих, многих петель, которые он потратил, чтобы добраться сюда, уже заставило его почувствовать себя несколько мрачным. Похоже, что выхода не было - если они слишком долго задержатся, чтобы собрать больше людей, их перехватят раньше на Перевале Мученика, и они не смогут его пересечь. А если они попытаются прорваться быстрее, собрав только ближайшие силы... вот что произойдет. Полная бойня.

Он снова наблюдал, как каждую минуту катятся сотни голов, как люди тщетно взывают, режут в акте самозащиты, пытаясь опередить и обогнать смерть, но безуспешно.

"Мне действительно придется вмешаться, да?" - пробормотал он себе под нос.

"Ты знал, что в конце концов придется", - сказала Аша, сидевшая рядом с ним.

"Не так рано", - сказал он. "Я решил, что вмешаюсь в столице".

"Твоя вера в обычных людей похвальна", - сказала она. "Но это не войны обычных мужчин и женщин, Сайлас. И они ведутся не ради обычных целей".

"Какой причудливый способ сказать, что это просто кучка сверхлюдей, которые выбивают дерьмо друг из друга, в то время как обычные люди страдают от болезней, не имея возможности ничего сделать".

"Ты думаешь, это несправедливо?"

"Разве не так?"

"Возможно", - сказала она. "Но низшие люди всегда чувствуют несправедливость мира, несмотря ни на что. И хотя в обычные времена их горести могут стоить слова, сейчас не те времена".

"... все времена обычны", - сказал он. "Когда я был потерянным маленьким щенком в замке, что, ты думаешь, меня волновала общая картина? Нет. Я мочился на облака в расстройстве, потому что чувствовал, что это несправедливо. Посмотри на них", - он указал вперед, на умирающую последнюю часть их армии. "Снова и снова сражаются с тем, что невозможно победить. Я никогда не был таким храбрым, Аша. Никогда. Пока страх не стал бессмысленной причиной. Я никогда не мог просто взять в руки меч и... броситься на смерть".

"..."

"Я хочу дать им лучшее место для жизни, пусть и ненадолго", - добавил он. "Передышку от природы человека. Но если я буду бороться... если я вмешаюсь... у них этого не будет".

"Ты этого не знаешь".

"Я знаю", - сказал он. "Мы оба знаем. Мы знаем людей. Знаешь, что они сделают? Они обожествят меня. Там будут статуи, рассказы о пропитанном кровью боге, который ответил на призыв Валена. А их король будет ужасом, перед которым они будут склоняться, потому что у него есть бог смерти. Когда-нибудь в далеком будущем, когда эти земли станут лишь пеплом и углем, на стенах все еще будут висеть письма, предостерегающие от меня. Хотя для меня это не имеет большого значения, Вален... не будет веселиться. Каждый раз, когда начнется война или стычка, а они будут, все его советники будут просить его призвать меня. Что жертвы не нужны. Что я смогу с этим справиться".

"Это та же история, Сайлас, что и всегда", - сказала она, когда отзвучали последние крики, и армия пала. "Ты не можешь избежать короны того, кто может околдовать судьбу и изменить ход истории. Некоторые люди используют корону, чтобы отнять все, над чем трудились их предки, некоторые ищут более высокой славы, чем та, в которой они родились, а некоторые... некоторые мечтают о мире, который не будет разрушен, о месте, которое не будет забыто. Но все мечты - ложь. Люди, слабые и сильные, продолжают страдать от своего проклятия до самой смерти. И ты... ты не можешь изменить или отменить это. Все, что ты можешь сделать, это... идти вперед".

"... просто чувствую себя дерьмово, вот и все", - сказал Сайлас, вставая и потягиваясь. "Быть персонажем чужой истории, пройти путь, предсказанный задолго до моего появления здесь. Такова жизнь, я думаю. Иллюзия выбора... но только один всегда правильный. Скоро увидимся".

На этот раз ему потребовалось шесть дней, чтобы умереть. Шесть скучных, болезненных, мучительных дней, когда он истекал кровью, терял сознание и просыпался еще живым. Ему не хватало этого, страха. Страх перед высоким обрывом, страха перед глубоким холодом, страха перед звериными, красными глазами, глядящими из леса. Он был шелухой, неспособной к страху.

И снова они шли по зимним землям, тающим на глазах. И снова разворачивалась та же история, говорили те же люди, произносились те же речи. И снова они оказались в лагере, в шатре, на грани разумного. Выдвигалось множество планов и идей, все они уже были разыграны бесчисленное количество раз, но ни одна из них не сработала. Когда разговор затих, Сайлас заговорил.

"Я пойду", - просто сказал он, к большому замешательству многих. К этому моменту большинство присутствующих понимали, что Сайлас, скорее всего, самый сильный человек в этой комнате. Но даже если так, он сможет убить не более сотни человек, прежде чем упадет сам. Он ничего не изменит. "Надеюсь, что хотя бы вы не будете дрожать в своих сапогах, когда я вернусь."

Под обеспокоенные возгласы Валена и Райны, странные взгляды многих и замешательство людей снаружи, Сайлас подобрал пару обычных мечей и прицепил их к поясу. Один не проживет достаточно долго, чтобы убить, но четырех будет достаточно. После этого он сможет просто забирать их у мертвецов.

Он спустился и вышел на равнину, одинокий человек без доспехов, вооруженный четырьмя скупыми клинками. Он шел бодро, непринужденно, ровно, как будто возвращался домой. Развернулись занавесы, и появился актер в пьесе, на которую должны были прийти тысячи.

Другая сторона заметила его довольно скоро, но вместо того, чтобы послать силу, обрушила на него шквал стрел. Но они ничего не сделали. Они отскакивали, падали, исчезали, превращались в пепел. Затем появилась конница из десяти человек - и одним стремительным взмахом клинка изверглись потоки крови и плоти.

Тогда было сто человек, и сто человек несли копья, и клинки, и топоры, и щиты. И были на них доспехи из металлов, но доспехи были бумагой под обычным клинком. И люди падали, их головы катились, в глазах застыло смятение. Последнее воспоминание у них - это воспоминание о невзрачном, бездомном человеке, разрушившем их надежды и мечты.

Шесть мужчин и две женщины вышли вперед, когда Сайлас находился всего в тысяче ярдов от лагеря врага. В отличие от предыдущих, все они обладали уникальной энергией, на их лицах читалась уверенность. Шестеро мужчин наступали строем - двое с фланга и двое спереди, а две женщины рассеялись в тени, словно ожидая удобного момента для удара.

Сайлас не пытался уклониться или даже отклониться. Четыре из шести лезвий пронзили

насквозь, и он легко обезглавил двух мужчин, шедших спереди. Понаблюдав мгновение за тем, как катятся их головы, он посмотрел в сторону, где увидел ликование в глазах тех двоих, что шли слева от него.

Внезапно Сайлас исчез - словно ветер, он в мгновение ока оказался рядом с двумя мужчинами, без клинка, держа обоих мужчин руками за горло, поднимая их в воздух, словно пресс-папье.

"Вы много работали", - сказал он просто. "Простите меня".

Он сжал пальцы и сдавил им горло, их шеи дернулись в стороны, а головы неестественно упали, глаза остекленели в темной бездне. Женщина появилась позади него и вонзила кинжал ему в шею. Лезвие прошло насквозь, и его кончик показался спереди. Прежде чем она успела убежать, Сайлас успел схватить ее за руку и оттащить от тени, в которую она пыталась уйти.

На ее лице отразился ужас, когда он вытащил кинжал из горла и вонзил его ей между глаз, мгновенно убив ее. Из восьми человек осталось только трое, и вместо того, чтобы броситься вперед и попытаться убить его, все трое в ужасе разбежались. К этому времени духи уже пели тихую песню. И песня эта радовала прислужников душ, в то время как живые начали трястись, словно погруженные по шею в мороз.

Ибо не было ни одного человека, стоящего там, в окружении крови, запёкшейся крови и трупов одних из самых сильных людей, которые были на их стороне. Ни один человек не смог пережить кинжал в горле и ни один человек не смог пережить четыре удара ножом в сердце.

"ГОТОВЬТЕСЬ!!!!!! УБИТЬ ДЬЯВОЛА!" - прозвучал приказ с ревом, наполненный энергией, которая отчаянно пыталась рассеять страх и ужас, зародившиеся в сердцах зрителей. Он не мог быть Богом, ибо Боги милосердны и любящи - а значит, этот человек был Дьяволом. И вот... тысячи людей зарычали в ответ и бросились на Дьявола. Он был только один. А их было много. И сегодня... сегодня они повалят Дьявола и высекут свои имена на плитах истории. На протяжении веков барды будут петь о них песни - о храбрецах Этернии, которые бесстрашно бросились на Дьявола и убили его. По крайней мере, в их сердцах это была история, которую

они сочинили. История, которая, к сожалению, никогда не будет сыграна.

<http://tl.rulate.ru/book/66231/2713117>